

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ) / LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.49.22>

АГЕНТИВНОСТЬ ЯПОНСКИХ СЛОВ ВАГО И КАНГО: СОСТОЯНИЕ И ДЕЙСТВИЕ

Научная статья

Стрижак У.П.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-4129-4485;

¹ Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (ustrizhak[at]hse.ru)

Аннотация

В работе анализируются агентивные характеристики лексических единиц японского языка канго (слова китайского происхождения) и двухосновных ваго (слова японского происхождения) как свернутых предикативных структур, в которых взаимоотношение предиката и объекта выражено так же, как и в развернутых высказываниях. Для определения уровня внутренней агентивности лексем дифференцируются характерные для слов японского и китайского происхождения типы внутренней актантажной связи между смысловыми компонентами, выражаемые в препозиции и постпозиции скрытых именных актантов. Обнаруживается, что лексический способ представления отношения между компонентами сложного слова, образованного согласно китайской или японской словообразовательной модели, демонстрирует тенденцию к номинативизации исконно японских слов с ослаблением агентивного компонента и, напротив, к акцентированию глагольного, высокоагентивного компонента в словах китайского происхождения; на этом основании выдвигается тезис о низкой агентивности двухосновных японских лексем ваго. В ходе работы выделяется дополнительный критерий для последующего изучения агентивности – телесность как соматический фактор, акцентирующий состояние в противовес действию. Результаты лексикографического анализа лексем канго и ваго, имеющих одинаковое написание при разном прочтении и объединенных в японском языкознании термином ионъигиго, дополненные комментариями информантов – носителей языка в качестве вспомогательного источника информации об употребимости иероглифических композитов, доказывают, что имплицитно выраженный в лексических единицах вектор воздействия отражает характерные для японского и китайского языков синтаксические модели с соответствующими вершинами иерархией актантов, а именно: анализ событийно-ориентированных сочетаний показал, что исходные синтаксические модели, определяемые базовым порядком слов в китайском и японском языках, влияют и на распределение смысловых акцентов в составе двухосновных лексем, т.к. более чем в половине исследуемых слов при японском прочтении смысловый акцент в большинстве случаев перемещается с первого глагольного на второй именной компонент, и в результате слово обнаруживает предметные свойства, акцентирующие *состояние*.

Ключевые слова: агентивность, ваго, канго, внутренняя актантажная связь, состояние и действие, телесность.

THE AGENTIVITY OF THE JAPANESE WORDS WAGO AND KANGO: STATE AND ACTION

Research article

Strizhak U.P.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-4129-4485;

¹ Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (ustrizhak[at]hse.ru)

Abstract

The work analyses the agentive characteristics of Japanese lexical units kango (words of Chinese origin) and two-base wago (words of Japanese origin) as collapsed predicative structures in which the relationship between predicate and object is expressed in the same way as in extended statements. To determine the level of internal agentivity of lexemes, the types of internal actant relation between semantic components, expressed in preposition and postposition of latent nominal actants, characteristic for words of Japanese and Chinese origin are differentiated. It is shown that the lexical way of representing the relation between the components of a complex word formed according to the Chinese or Japanese word-formation model shows a tendency to nominativisation of native Japanese words with weakening of the agentive component and, on the contrary, to accentuation of the verbal, highly agentive component in words of Chinese origin; on this basis, the thesis of low agentivity of two-basis Japanese lexemes wago is proposed. The article highlights an additional criterion for further study of agentivity – corporeality as a somatic factor, emphasizing state as opposed to action. The results of the lexicographic analysis of the lexemes kango and wago, which have the same spelling when read differently and are united in Japanese linguistics by the term yonyigigo, supplemented by the comments of native speaker informants as an auxiliary source of information about the use of hieroglyphic composites, prove that the vector of influence implicitly expressed in lexical units reflects the syntactic models characteristic of the Japanese and Chinese languages with the corresponding vertices and actant hierarchy, namely, the analysis of event-oriented combinations has shown that the initial syntactic models determined by the basic word order in Chinese and Japanese also influence the distribution of semantic accents in the composition of two-base lexemes, since in more than half of the studied words in the Japanese reading the semantic accent in most cases shifts from the first verbal to the second nominal component, and as a result the word reveals subject properties emphasizing the *state*.

Keywords: agentivity, wago, kango, internal actant relation, state and action, corporeality.

Введение

Данная работа выполнена в рамках теории агентивности как универсальной макросемантической категории, которая во многом определяет иерархию актантов и обуславливает функционирование многих языковых явлений. В общей теории лингвистики проблема агентивности была впервые системно поставлена в 1973 г. в работе Д. Круза, в которой отмечается сложность выделения агентивных признаков и говорится о преимущественно «интуитивном понимании» агентивности [16, С. 11], [18], [19], [20], [21]; в последующих работах систематизируются такие агентивные признаки как способность оказывать воздействие, волиитивность, намеренность, контролируемость выполняемых действий, которые признаются значимыми для описания видов диатез, залоговых структур и т.д.; соответственно, в научном дискурсе агентивность рассматривается преимущественно в контексте актантно-предикатной структуры, т.е., на синтаксическом уровне. Работы по семантике агентивных отношений обычно связывают с проблемой актантной структуры глагола, определением перечня валентностей (семантических и синтаксических аргументов) и т.д. На лексическом уровне агентивность рассматривается реже в силу сложности вычленения участников ситуации и описания взаимодействия между ними в рамках одной лексемы. При этом слово как результат обозначения ситуации в свернутом виде обладает значимым семантическим потенциалом, который также возможно использовать для описания агентивных характеристик. Е.В. Падучева приводит следующую образную аналогию: «Толкование лексемы – это своего рода структурная формула, наподобие структурной формулы в химии»; подчеркивая, что ее фрагменты дают ответы на многие вопросы о свойствах как самого слова, так и высказывания в целом [4, С. 17, 256].

Агентивность на уровне лексемы в данной работе будет рассмотрена как выраженная в рамках отдельного слова совокупность обозначенных выше агентивных признаков, результирующихся в семах акциональности, воздействия и т. д., и фокусирующихся на совершении действия (в противовес стативным признакам, акцентирующим состояние и свойства). Если рассматривать акт предикации в целом как процесс установления предикативного отношения путем соотнесения смыслов и связи между субъектами и их свойствами, то в данном контексте еще А.А. Потенба в 1874 г. говорил о том, что «не только каждая пара членов предложения < ... > может соответствовать суждению, но и один член предложения может соответствовать одному и более чем одному суждению [9, С. 69] – тем самым А.А. Потенба подчеркивает предикативность имени, сравнивая «существительное с предложением, состоящим из подлежащего и сказуемого» и подразумевая, например, в предложении *Бело*. наличие второго участника в силу необходимости выраженности признака белизны у *чего-либо*; такое понимание формирует интуитивно предполагаемую предикативную основу из двух членов [9, С. 97].

В современной лингвистике проблема внутренней агентивности лексемы, определяющей соответственно и структуру зависимых от него аргументов, рассматривается преимущественно в контексте деривационных процессов, сопровождающихся изменением состава участников ситуации – например, в представлении Г.И. Кустовой семантического потенциала слова как источника образований производных значений ([2] об изменении типов актантов как факторе устранения агентивности) или в описании инкорпорации имен с различными семантическими ролями как синтаксических аргументов при номинализации ситуации (Е.В. Падучева анализирует ситуации устранения агенса при образовании русских отглагольных имен [4]; А.Г. Пазельская рассматривает лексемы типа *самолестроение* или *золотодобыча* как результат инкорпорирования объекта [5, С. 13] и др.) Во многих исследованиях на материале английского, немецкого и других европейских языков также рассматривается семантика агентивности, проявляемая на уровне лексических единиц: например, Е.М. Позднякова, подчеркивая, что агентивность «реализуется как в высказывании, так и в свернутой предикативной структуре, каковой является производное слово» анализирует функционирование агентивных сем в образовании имен деятеля [7], [8, С. 98]. Изолирующий тип китайского языка и преобладание в нем корнесложной словообразовательной модели предоставляет богатый языковой материал для анализа агентивной взаимонаправленности компонентов иероглифических слов, образованных с помощью подчинительной связи дополнительного типа (модель «действие – объект»: ‘отправиться’ как сочетание компонентов ‘отправить’ и ‘тело’); определяющего, результирующего и других типов связи. Подобные примеры можно найти и в других языках, но в данной работе мы ограничиваемся материалом японского языка, т.к. типологический и контрастивный анализ не является задачей нашего исследования. При этом следует отметить, что исследования агентивных характеристик японских лексем канго и ваго ранее не проводились, и данная проблема ставится впервые.

Итак, основываясь на методологическом положении о слове как свернутой предикативной структуре, применим к японским лексемам с вариативным прочтением способы анализа синтаксических структур, чтобы определить механизмы включенности агентивных компонентов в семную структуру лексем.

Методы и принципы исследования

При рассмотрении агентивного потенциала японских лексем прежде всего следует отметить, что в целом японский язык демонстрирует тенденцию к доминированию непереходных конструкций и сниженной агентивности – теоретическое положение о преобладании непереходной модели в японском языке озвучивается японскими лингвистами в работах, выполненных в рамках семантико-синтаксического подхода ([11], [15, С. 36, 72] и др.): в них подчеркивается, что японский язык отдает предпочтение нетранзитивности, и в смысловом фокусе находится не деятель, а вся ситуация в целом или результат осуществленного действия. В работах Х. Киндаити освещается японское «непереходное мышление» сквозь призму запрета на неодушевленный каузатор, роли пассива как способа сместить акцент с действия на результат и т.д. (12, С. 203–204). А. Кондо приводит аргументы для обязательного «обнуления» себя и других участников ситуации в целях снижения общей агентивной составляющей высказываний; приводит примеры типичной для японского языка детранзитивизации, описывающие смену времен года: вместо «Весна пришла», типичного для многих языков, в японском языке характерно использование стативных предикатов,

результатирующих данную ситуацию в 春になった *хару ни натта* ‘<Зима> весной стала’, и др. [13, С. 46–49]. Такое доминирующее положение в языке конструкций с пониженной степенью транзитивности мы обозначаем как японскую когнитивную языковую норму, а именно: естественным для японского языка является смещение фокуса с лица на ситуацию, с действия на результат; как следствие, снижается общая агентивность отдельного высказывания и дискурса в целом. Причем эта норма определяется не столько языковыми правилами (японский язык в большинстве случаев предоставляет альтернативный вариант в виде переходной модели), сколько когнитивными основаниями выбора непереходного алгоритма представления окружающей действительности. Это положение дополняется результатами анализа не только синтаксических конструкций, но и других японских языковых явлений (эллипсис актанта разной степени значимости, особенности падежного варьирования, слабая выраженность категории числа и т. д.); в целом можно констатировать, что японские языковые средства, репрезентирующие агентивность, имеются как на грамматическом, так и на лексическом уровне в словообразовательных, каузативных и др. моделях (хотя в контексте агентивных характеристик бывает трудно разграничить их языковое представление на уровне отдельного слова, предикатемы или высказывания в целом).

Объектом данной работы выступает фрагмент словарного состава японского языка, а именно: двухосновные лексемы японского происхождения (*ваго*) и китайского происхождения (*канго*), имеющие одинаковое отображение на письме; предметом – агентивные характеристики этих лексических единиц. В данной работе не принимается во внимание возможная разность в написании лексем *ваго*, когда при записи некоторых из них графически вычленяется соединительная морфема, например: 染色 *сомэиро* и 染め色 *со(мэ)иро*, т.к. эта вариативность не является смыслоразличительной для данного исследования; кроме того, в источниках допускаются разные варианты написания таких лексем (японский лексикографический агрегатор «Котобанк» и др.)

Выдвинем предварительную гипотезу исследования: исконно японский пласт словарного состава демонстрирует меньшую степень агентивности по сравнению с лексикой китайского происхождения. Для проверки данной гипотезы мы рассмотрим агентивные характеристики японских лексем на примере различий во внутренней форме иероглифических композитов китайского и японского происхождения; их морфологический и семантический анализ поможет понять механизмы когнитивной выделенности определенных фрагментов японского словарного состава. В частности, мы предполагаем, что тип взаимосвязи компонентов внутри одного и того же иероглифического слова, актуализированного в разных лексических классах, демонстрирует сниженную агентивность японской исконной лексики и внесет вклад в подтверждение гипотезы о доминировании непереходной модели восприятия действительности в японском языке.

Такая постановка вопроса является возможной благодаря уникальному свойству японского языка: он допускает вариативность прочтения лексических единиц с одинаковой графической фиксацией (в японской терминологии 異音異義語 *ионъигиго*). Это связано с особым путем возникновения и становления японской письменности, который обусловил возможности записи одного и того же фрагмента действительности и его прочтения как по принципам китайского языка (лексемы *канго*), так и согласно японской словообразовательной логике (лексемы *ваго*). За счет сложения основ или корней как основных словообразовательных способов значительное количество слов в японском языке представляют собой соединения семантически нагруженных компонентов, которое в некоторых случаях можно прочесть двояко: используя китайские или японские прочтения. Такое слово логично рассматривать как свернутую предикативную структуру, в которой выражены отношения между ее компонентами, что дает нам возможность проанализировать агентивный статус лексем разного типа (образованных по китайской и японской синтаксическим моделям) и сравнить характер взаимосвязи ее компонентов при обоих вариантах прочтения.

Внутренняя структура *канго*, слов китайского происхождения, часто демонстрирует традиционный для китайского языка порядок расположения смысловых компонентов, объединенных актантами связью: взаимоотношение предиката и объекта в свернутой структуре зачастую выражено так же, как и развернутых высказываниях – в препозиции глагольного компонента и постпозиции именного актанта. А.А. Пашковский в своем исследовании японских композитов подчеркивает важность взаиморасположения частей слова: «Значение компонентов, их порядок и взаимосвязи обуславливают ту или иную роль корней внутри составного слова. Занимая определенное положение относительно других элементов, корни специализируются» [6, С. 52]. Например: 求愛 *кю:аи* ‘ухаживание’ = ‘требовать → любви’; 緩衝 *кансё:* ‘амортизация’ = ‘смягчение → удара’. Видно, что в словах китайского происхождения со свернутой актантами связью за счет акцентирования первого компонента имплицитно выражена несвойственная японскому языку пропозициональная установка с акцентом на процесс воздействия. Далее мы рассмотрим те *канго*, которые имеют параллельные японские прочтения, и, согласно выдвинутой гипотезе, предполагаем обнаружить в их структуре обратную тенденцию (в силу того, что японскому языку свойственно левое ветвление, в английской терминологии – *head-final*), демонстрирующую главенство последнего, правого элемента, что смещает фокус внимания на объект и обеспечивает предметную интерпретацию соответствующей лексемы *ваго*.

Например, (1) слово 出店 (сочетание компонентов ‘отправление, зарождение, выход’ и ‘магазин’) может быть прочитано как *канго*: *сюттэн*, и тогда оно обозначает ‘процесс открытия магазина’; а будучи прочитанным как *ваго*: *дэмисэ*, оно приобретает именную статус (согласно японскому принципу, акцентируется второй элемент – ‘магазин’, а первый становится определением к нему) и обозначает некое учреждение, ‘филиал магазина’ (‘отделившийся, вышедший из’). Аналогичное противопоставление обнаруживается в (2) слове 脱殻: китайское прочтение *даккаку* обозначает ‘снятие кожи’ (фокус на процессе), а японское прочтение *нукэгара* со значением ‘сброшенная кожа’ – акцентирует второй элемент и так же, как и в примере выше, заменяет актантами связь (действие) атрибутивной (признак, состояние), тем самым снижая агентивность компонентов лексемы. То же в паре прочтений слова (3) 見物:

кэмбуцу ‘осмотр достопримечательностей, посещение’ = процесс; и *мимоно* ‘интересное зрелище, картина’ = вещь и ее свойство. Иными словами, при китайском прочтении акцентируется процесс (воз-)действия (отметим, что словарная дефиниция лексем китайского происхождения часто содержит субстантив *кото* – «процесс, явление»), а при японском прочтении подчеркивается именной компонент (отражающийся в словарных дефинициях как *моно* – «вещь; нечто или некто»). Так, например, японская «Полная энциклопедия иероглифического знания» поясняет пример (1) как «открыть новое отделение магазина» для *сюттэн* через *дасу кото* и «торговая точка, отделившаяся от центрального магазина» для *дэмисэ* с препозицией глагола *дасу* в определительной позиции; а пример (3) как «смотреть и наслаждаться событиями и достопримечательностями» для *кэмбуцу* через *миру кото* («процесс, когда смотрят») и «вещь, которую стоит посмотреть» для *мимоно* через *миру моно* («вещь, на которую смотрят») [10, С. 454–455, 449]. Это положение о сравнительно более низкой агентивности слов двухосновных ваго подтверждается и результатами других исследований японских лингвистов. Так, М. Накагава сопоставляет значения одинаковых иероглифических композитов в китайском и японском языках, и показывает, например, что слово 唱歌 (сочетание компонентов ‘провозглашать’ и ‘песня’ в японском языке обозначают ‘песня <которую поют>’, а в китайском – ‘петь <песню>’; а далее проецирует эту закономерность и на дихотомию канго–ваго, определяя значение слова (4) 紅葉 как ‘процесс окрашивания листьев’ при китайском прочтении *ко:ё:*, но как ‘красные кленовые листья’ в случае японского прочтения *момидзи* [14, С. 128–129]. Следует отметить, что в данном случае словарная проверка (все толкования японских лексем, если не указано иное, взяты из электронной версии Японского толкового словаря Дайдзисэн. 2-е изд.) обнаруживает наличие процессуального субстантиватора *кото* в обеих дефинициях, но при этом в сбалансированном корпусе японского языка (nlb.ninjal.ac.jp) глагольные варианты этих лексем показывают, что даже при одинаковой допустимости присоединения глагольного вербализатора вариант *ко:ё:* *суру* ‘краснеть’ дает 994 вхождения, а *момидзи суру* ‘краснеть’ – всего 4 вхождения, что свидетельствует о максимально предметной интерпретации данного ваго носителями языка. Таким образом, предварительные эмпирические наблюдения показали, что такие исконно японские лексические единицы как двухосновные ваго имеют менее выраженные агентивные свойства.

Основные результаты

Данное положение в рамках выдвинутой гипотезы мы проверим далее на большом массиве данных путем лексикографического анализа, дополнив его результаты (в качестве вспомогательного источника информации об употребимости иероглифических композитов) комментариями носителей японского языка, полученными в ходе опроса семи японских информантов путем предъявлением им блока отобранных пар лексем с просьбой объяснить разницу в их употреблении. В опросе информантов приняли участие семь носителей японского языка. Выборка информантов была диверсифицирована по возрасту (от 25 до 55 лет), полу (мужчины и женщины), сфере деятельности (работники корпорации, преподаватели, художник, госслужащий, домохозяйка), знанию/незнанию русского языка (для сопоставительного анализа). Прямые цитаты информантов оформлены в тех же кавычках, что и цитаты из литературы. Материалом исследования послужили двухкомпонентные иероглифические композиты, имеющие китайский и японский варианты прочтения. В данной работе в контексте теории агентивности нас прежде всего интересуют слова, которые имеют событийное (или процессуальное) значение – то есть, являются свернутой структурой события – тогда мы сможем проверить направленность и характер взаимодействия между участниками события в рамках свернутой предикативной структуры (для этого процессуальное значение должны иметь один или оба композита из пары). В предметных сочетаниях, выстроенных атрибутивно согласно модели «субъект и его свойство» с препозицией уточняющего компонента, актанта связь отсутствует, но такие пары тоже будут кратко охарактеризованы с целью обнаружения возможных различий в степени выраженности у них некоторых метрик, могущих повлиять на агентивность высказывания в целом. Методом сплошной выборки из полного перечня иероглифических слов в разделе «Иероглифический ключ» Большого японско-русского словаря [1, С. 611–919] было отобрано 711 слов, имеющих и китайское, и японское прочтения, из которых 605 пар были определены как предметные лексем с препозицией определительного компонента (А.А. Пашковский называет такие композиты «уточненно-предметными сочетаниями»), а значения 106 пар были интерпретированы процессуально или событийно – в их структуре содержательный акцент приходится на первый компонент, и развитие свернутого события поясняется второй частью композита, «уточненно-процессуальные сочетания» [6, С. 67]. Проанализируем последовательно эти две группы слов путем развертывания имени в предикативную структуру.

3.1. Предметно-ориентированные сочетания

Прежде всего, в данной группе были выделены те пары, где различие обусловлено только стилистикой использования (основной сферой употребления канго являются официальные и книжные тексты, а также научная терминология; ваго типичны в описании быта, природных и других обыденных явлений). Стилистические оттенки не являются смысловозначительными для данного исследования, поэтому 225 пар, имеющих пометку о книжном стиле использования (например, 擦傷 *сассё:* (кн.) и *сурикидзу* ‘ссадина, царапина’) или о принадлежности к классу научных терминов (帰路 *киро* ‘электр. цепь обратного тока’ и *каэримити* ‘обратный путь’) были признаны нерелевантными и исключены из анализа.

Из оставшихся 380 слов многие пары значений продемонстрировали противопоставление по линии «универсальное – частное»: в комментариях информантов было отмечено, например, что (5) слово 内面 в обоих вариантах звучания имеет общее значение ‘внутренняя сторона’, но детализируется по-разному: китайское прочтение *наймэн* подчеркивает сему «внутреннего» как абстрактную духовно-психологическую составляющую, а японский вариант *утидзура* обозначает выражение лица и отношение человека к своему ближайшему кругу; то же в следующих примерах: (6) 弱音 кит. *дзякуон* ‘слабый звук’ об абстрактном звучании, яп. *ёванэ* о слабых голосовых сигналах, жалобах; (7) 足跡 кит. *сокусэки* ‘след’, оставленный в истории, а яп. *асуато* – ‘след’ как отпечаток ноги; (8) 束髮 кит.

сокухацу ‘европейская прическа’ как общее классифицирующее название для типа прически в европейском стиле, вошедшем в моду в конце XIX в., а яп. *табанэгами* – то же, но об используемом в повседневности способе укладки волос; (9) 風車 кит. *фу:ся* ‘ветряная мельница’ как промышленный механизм, а яп. *кадзагурума* – ‘игрушка-вертушка’ (перенос механистического устройства мельницы в сферу обыденного существования).

Данные японские варианты демонстрируют выраженный перенос фокуса с описания универсальных типологизирующих процессов (эту роль выполняют канго) на применимость каждого типа для описания свойств и характеристик человека, зачастую в тесной связи с его соматическим пространством. Показательно, что информанты–носители языка при толковании предметных сочетаний в ряде случаев дополняли свои комментарии невольным указанием на части тела, задействованные в определении значения, причем такие соматические отсылки относились только к японским прочтениям. Так, при сравнении вариантов прочтения слова (10) 水腫 кит. *суйсю* и яп. *мидзубарэ* с одинаковым словарным значением ‘отек, волдырь’ информанты указывали на свою руку «*мидзубарэ* – это вот здесь, например <после ожога>»; а китайский вариант прочтения данного слова не вызвал такой реакции ни у одного из носителей языка (при этом ассоциации с канго были тоже единообразны: «это название болезни»); (11) 懷紙 кит. *кайси* и яп. *футокорогами* со словарным значением ‘бумажный платок, бумага’ при практически полной семантической общности при японском варианте прочтения вызвали у некоторых информантов реакцию в виде прикладывания руки к груди «это вот здесь спрятанное письмо, любовное, например», а при китайском варианте прочтения такой соматической ассоциации ни у кого не обнаружилось. В описании (12) 骨節 яп. *хонэбуси* ‘сустав’ (при наличии семантически идентичного аналога кит. *коссэцу*, ассоциирующегося с «озвучиванием диагноза у врача») информанты показывали на локоть или обозначали словесно *Итай!* ‘Болит’. Ваго *ёванэ* ‘ныть’ из примера (6) выше входит в коллокацию с предикатом ‘тошнить’, и издаваемые звуки ‘нытья’ сопровождалась информантом движениями, сопровождающими тошноту – как будто человека «тошило» этими звуками. Эти комментарии являются важными свидетельствами возможной связи ваго с телом человека, и в совокупности с результатами лингвистического анализа позволяют нам предположить, что *телесность* может стать одним из критериев для описания агентивности, т.к. описание свойств и ощущений в противовес действию свидетельствует о более низкой агентивности языковой единицы.

Итак, можно констатировать, что наличие общих сем в предметно-ориентированных канго и ваго обуславливает их относительную синонимичность, но при этом, помимо стилистических отличий, противопоставление по линии *универсальное* (абстрактные процессы, подразумевающие взаимодействие большого количества участников и их типологизацию) vs *частное* (характеристики и свойства человека) позволяет предварительно выделить *телесность* как критерий для дальнейшего анализа агентивности лексем, т.к. наличие соматической соотнесенности слова актуализирует сему состояния в противовес действию, свидетельствуя тем самым о снижении агентивного потенциала; выбор такой низкоагентивной лексемы может повлиять на аргументную структуру высказывания в целом.

3.2. Событийно-ориентированные сочетания

В данную группу вошли 106 пар лексем, представляющих собой свернутую структуру события; их первый компонент преимущественно реализует акциональную сему, а второй – семы пациентивности, локативности и др., что соответствует китайской синтаксической норме, а именно: постпозиционности уточняющих компонентов. При этом японское прочтение лексемы в ряде случаев показывает смещение смыслового фокуса на второй компонент с предметным значением. Таких пар оказалось две трети от общего количества; приведем некоторые примеры:

(13) 離島 ‘отойти, покинуть’ и ‘остров’; кит. *рито*: ‘уход с острова’ (один из вариантов значения) и яп. *ханарэдзима* ‘заброшенный остров’;

(14) 落葉 ‘падать, ронять’ и ‘лист’; кит. *ракуё*: ‘листопад’ и яп. *отиба* ‘опавшая листва’;

(15) 染色 ‘красить(ся)’ и ‘цвет’; кит. *сэнсёку* ‘окрашивание’ и яп. *сомэйро* ‘цвет (в результате окрашивания)’;

(16) 増水 ‘прибавлять(ся)’ и ‘вода’; кит. *дзо:суй* ‘процесс подъема воды’ и яп. *масимидзу* ‘прибывшая вода’;

(17) 出所 ‘выходить’ и ‘место’; кит. *сюцудзё*: ‘участие, выступление’ и яп. *дэба* ‘выход (на сцену), место выхода’;

(18) 赤面 ‘красный, краснеть’ и ‘лицо’; кит. *сэкимэн* ‘смущение, покраснение’ и яп. *акацура* ‘красное лицо, злодей’;

(19) 乗船 ‘садиться в транспорт’ и ‘корабль’; кит. *дзё:сэн* ‘посадка на судно’ и яп. *норибунэ* ‘судно, на которое садятся’.

Информанты охарактеризовали две трети из отобранных пар как «действие – результат» и предложили развернутые пояснения для детализации значения, которые описывают противопоставление такого типа слов китайского и японского происхождения в виде следующей модели: в результате совершения **действия**, выраженного в свернутой структуре канго, образуется некое **состояние**, выражаемое ваго. Например:

(20) 前屈 ‘перед’ и ‘наклонять (ся)’; кит. *дээнкуцу суру* ‘наклониться’, яп. *маэкагами* ‘сутулый’: *дээнкуцу сита кара маэкагами ни нару* ‘согнулся и перешел в сутулое состояние’;

(21) 洗髪 ‘мыть’ и ‘волосы’; кит. *сэмпацу* ‘мыть голову’, яп. *араигами* ‘чистые волосы’: *сэмпацу сита кара араигами ни нару* ‘вымыл голову – стал с чистыми волосами’;

(22) 生別 ‘жизнь’ и ‘разлучаться’; кит. *сэйбэцу суру* ‘разлучаться’, яп. *икивакарэ* ‘расставание на всю жизнь’: *сэйбэцу сита кара икивакарэ (но дзё:тай) ни нару* ‘расстались навсегда и оказались в состоянии окончательной разлуки’.

Как видно в (20)–(22), смещение фокуса с высокоагентивного глагольного на низкоагентивный предметный компонент влияет на общую аргументную структуру высказывания: например, в (22) слово лишается семы

(воз-)действия, приобретает номинативное значение с атрибутивным компонентом (*разлука какая? окончательная*), требующее стативного предиката *становиться*, что придает всей структуре более низкую агентивную насыщенность. Общее количество таких пар составило 69 из 106 (65%), что говорит о преимущественном предметном прочтении двухосновных лексем ваго.

Оставшиеся 37 пар лексем имеют одинаковую событийную интерпретацию вне зависимости от прочтения (напр., (23) 前借 кит. *дзэнсяку суру*, яп. *маэгари суру* ‘брат аванс’), но в некоторых случаях информанты отметили неоднозначность предлагаемых словарных дефиниций, трактующих лексему как акционально насыщенную: например, (24) японский вариант прочтения композита 独歩 *хиториаруки*, который при добавлении вербализатора *суру* подчеркивает акциональную составляющую значения ‘идти (передвигаться) самостоятельно’ (в отличие от кит. *доппо суру* ‘идти своим путем’), был охарактеризован носителями как «скорее существительное», а в (25) из двух вариантов прочтения слова 大食 ‘обжорство’ глагольная интерпретация японского варианта *оогуи* была полностью исключена информантами, и оставлено только значение ‘обжора’, имеющее номинативное прочтение, а кит. *тайсёку* было признано всеми как ‘процесс обжорства’, что, в свою очередь, демонстрирует более низкую агентивность двухосновных ваго и в этой группе событийных сочетаний. Интересно отметить, что корпусная проверка подтвердила более высокую степень предметности ваго только в примере (25): 672 номинативных вхождения против 27 глагольных (96% и 4% соответственно); а характеристика, данная двумя информантами примеру (24), наоборот, была опровергнута данными корпусного анализа (37% номинативных вхождений и 63% глагольных), что задает вектор для дальнейшего изучения этого вопроса. Следует отметить, что толкования событийно интерпретируемых композитов также сопровождалась соматически ориентированными комментариями носителей, и, что показательно, такие телесные ассоциации («ощущенческий» ономатопоэтический эпитет *касакаса* ‘шуршание’ для опавшей листвы в (14); изображение сутулости для состояния *маэкагами* в (20) и т.д.) и в этой группе относились только к ваго. Можно предположить, что акцентирование **состояния** сопровождается исконно японские двухосновные лексемы даже при их событийном прочтении.

Итак, количественный анализ событийно-ориентированных сочетаний показал, что исходные синтаксические модели, определяемые базовым порядком слов SVO в китайском языке и SOV в японском языке (в котором левое ветвление соответственно требует нахождения зависимого члена перед вершиной), влияют и на распределение смысловых акцентов в составе двухосновных лексем: в 65% пар композитов при японском прочтении смысловый акцент перемещается с первого (глагольного) на второй (именной) компонент, и в результате слово обнаруживает предметные свойства. Оставшиеся 35% пар акционально трактуемых композитов также частично содержат предметно трактуемые фрагменты значения, что вносит дополнительный вклад в доказательство гипотезы исследования.

Заключение

В данной работе на материале фрагмента японского словарного состава (слов *ионъигиго*, имеющих как китайское, так и японское прочтения) было рассмотрено, каким образом вариативность в прочтении иероглифических компонентов может продемонстрировать нам смещение фокуса агентивности в словах как свернутых предикатных структурах. Было обнаружено, что лексический способ представления отношения между компонентами сложного слова, образованного согласно китайской или японской словообразовательной модели, демонстрирует тенденцию к номинативизации исконно японских слов с ослаблением агентивного компонента и, напротив, к акцентированию глагольного, высокоагентивного компонента в словах китайского происхождения – таким образом, в ходе словообразовательных процессов путем выбора слов японского или китайского происхождения может осуществляться повышение, сохранение или понижение агентивности слова.

Таким образом, в ходе анализа данного фрагмента японского словарного состава подтвердилась сформулированная в начале работы гипотеза о более низкой агентивности исконно японских двухосновных лексем. Результаты количественного анализа, дополненные комментариями информантов-носителей языка, показали, что имплицитно выраженное в японских исконных лексических единицах направление воздействия отражает характерную для японского языка иерархию актантов – чаще атрибутивную, акцентирующую признаки и состояния, нежели актантную с фокусом на действии. В ходе работы был выделен дополнительный критерий для последующего изучения агентивности – *телесность* как соматический фактор, акцентирующий состояние в противовес действию (ярко выраженный признак для предметных сочетаний и косвенный для событийных). Продолжение исследования видится в дальнейшем дополнении полученных результатов данными корпусного и контекстуального анализа отобранных лексем для уточнения их семантико-синтаксического статуса.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Большой японско-русский словарь: В 2-х т / Под ред. Н.И. Конрада. — М.: Советская энциклопедия, 1970. — Т. 2. — 920 с.

2. Кустова Г.И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы / Г.И. Кустова // Вопросы языкознания. — 2005. — 3. — с. 53–79.
3. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 608 с.
4. Падучева Е.В. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке / Е.В. Падучева // Русский язык в научном освещении. — 2001. — 1. — с. 52–79.
5. Пазельская А.Г. Наследование глагольных категорий именами ситуаций (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.19 / А.Г. Пазельская. — М., 2006. — 23 с.
6. Пашковский А.А. Слово в японском языке / А.А. Пашковский — Москва: КомКнига, 2006. — 208 с.
7. Позднякова Е.М. Категория имени деятеля и пути ее синхронного развития в когнитивном и номинативном аспекте: на материале английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.М. Позднякова. — М., 1999. — 47 с.
8. Позднякова Е.М. Языковые средства реализации семантической роли агенса в позиции субъекта / Е.М. Позднякова // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. — 1997. — 1. — с. 98–102.
9. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня — Москва: Учпедгиз, 1958. — 534 с.
10. 阿辻哲次、一海知義、森博達. 何でもわかる漢字の知識百科. — 東京: 三省堂、2002. — 784 p.
11. 池上嘉彦. 「する」と「なる」の言語学. — 東京: 大修館、2011. — 304 p.
12. 金田一春彦. 日本語の特質. — 東京: NHK books、2007. — 245 p.
13. 近藤安月子. 日本語らしさの文法. — 東京: 研究社、2018. — 288 p.
14. 中川正之. 漢語から見える世界と世間. — 東京: 岩波、2008. — 201 p.
15. 外山滋比古. 英語の発想、日本語の発想. — 東京: NHK books、1992. — 190 p.
16. Cruse D.A. Some Thoughts on Agentivity / D.A. Cruse // Journal of Linguistics. — 1973. — 9 (1). — p. 11–23.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bol'shoj yaponsko-russkij slovar': V 2-h t [Big Japanese-Russian Dictionary in 2 vol] / Ed. by N.I. Konrad — M.: Soviet Encyclopedia, 1970. — Vol. 2. — 920 p. [in Russian]
2. Kustova G.I. O semanticheskom potentsiale slov energeticheskoi i eksperientsial'noj sfery [On the Semantic Potential of Words in the Energy and Experiential Spheres] / G.I. Kustova // Topics in the Study of Language. — 2005. — 3. — p. 53–79. [in Russian]
3. Paducheva E.V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic Patterns in Lexical Semantics] / E.V. Paducheva — Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2004. — 608 p. [in Russian]
4. Paducheva E.V. Kauzativnye glagoly i dekauzativy v russkom jazyke [Causative Verbs and Decausatives in Russian] / E.V. Paducheva // Russian Language in Scientific Coverage. — 2001. — 1. — p. 52–79. [in Russian]
5. Pazel'skaya A.G. Nasledovanie glagol'nyh kategorij imenami situacij (na materiale russkogo yazyka) [Inheritance of Verb Categories by Situation Names (on the material of Russian language)]: abstract dis. ... of PhD in Philology: 10.02.19 / A.G. Pazel'skaya. — M., 2006. — 23 p. [in Russian]
6. Pashkovskij A.A. Slovo v japonskom jazyke [Word in Japanese] / A.A. Pashkovskij — Moskva: KomKniga, 2006. — 208 p. [in Russian]
7. Pozdnyakova E.M. Kategoriya imeni deyatelya i puti ee sinhronnogo razvitiya v kognitivnom i nominativnom aspekte: na materiale anglijskogo yazyka [The Category of the Actor's Name and the Ways of Its Synchronous Development in the Cognitive and Nominative Aspect: on the material of English]: abst. dis. ... of PhD in Philology / E.M. Pozdnyakova. — M., 1999. — 47 p. [in Russian]
8. Pozdnyakova E.M. Jazykovye sredstva realizatsii semanticheskoi roli agensa v pozitsii sub'ekta [Language Means of Implementing the Semantic Role of the Agent in the Position of the Subject] / E.M. Pozdnyakova // Bulletin of TSU. Humanitarian Science. — 1997. — 1. — p. 98–102. [in Russian]
9. Potebnja A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike [From Issues on Russian Grammar] / A.A. Potebnja — Moskva: Uchpedgiz, 1958. — 534 p. [in Russian]
10. Atsuji Tetsuji. Nan de mo wakaruru kanji no chishiki hyakka [The Complete Encyclopedia of Hieroglyphic Knowledge] // Tetsuji Atsuji, Tomoyoshi Ikkai, Hiromichi Mori. — Tokyo: Sanseido, 2002. — 784 p. [in Japanese]
11. Ikegami Yoshihiko. «Suru» to «naru» no gengogaku [Linguistics: DO and BECOME] // Yoshihiko Ikegami. — Tokyo: Taishukan, 2011. — 304 p. [in Japanese]
12. Kindaichi Haruhiko. Nihongo no tokushitsu [Features of the Japanese Language] / Haruhiko Kindaichi. — Tokyo: NHK books, 2007. — 245 p. [in Japanese]
13. Kondo Atsuko. Nihongorashisa no bunpo ["Japanese-like" Japanese Grammar] / Atsuko Kondo. — Tokyo: Kenkyusha, 2018. — 288 p. [in Japanese]
14. Nakagawa Masayuki. Kango kara mieru sekai to seken [The World and People through the Prism of Kango] / Masayuki Nakagawa. — Tokyo: Iwanami, 2008. — 201 p. [in Japanese]
15. Toyama Shigehiko. Eigo no hassou, nihongo no hassou [Thought Generation in English and Japanese] / Shigehiko Toyama — Tokyo: NHK books, 1992. — 190 p. [in Japanese]
16. Cruse D.A. Some Thoughts on Agentivity / D.A. Cruse // Journal of Linguistics. — 1973. — 9 (1). — p. 11–23.